

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОСОФСКАЯ
МЫСЛЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

*К 125-летию со дня рождения
Ивана Александровича Ильина*

ДУХОВНЫЙ ПУТЬ
И РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЙ ИДЕАЛ
И.А. ИЛЬИНА*

О.Т. ЕРМИШИН, К.Б. ЕРМИШИНА

Духовный путь русского философа И.А. Ильина (1883–1954) был весьма тернист, его религиозный опыт многогранен, что характерно для сложной и духовно-утонченной личности. В этом отношении с Ильиным может быть сравним, пожалуй, только В.С. Соловьев, философ, общественный деятель, мистик, поэт и пророк. Понять духовную эволюцию И. Ильина очень важно, поскольку без этого невозможно дать правильную оценку его сочинениям. В то время как философский и жизненный путь В. Соловьева изучен очень подробно, литература об Ильине пока немногочисленна¹. Для того, чтобы понять логику жизненной судьбы Ильина, необходимо, на мой взгляд, пристально и внимательно взглянуть в самый тип его личности, а это, в свою очередь, откроет возможность постижения особенностей его религиозного пути.

Иван Ильин – личность необычайно сложная, характеризующаяся повышенной эмоциональной и психической возбудимостью. В юности он, вероятно, страдал от особенностей своего психического склада, пытался найти способы преодоления сложных душевных движений, о чем говорит его обращение к психоанализу З. Фрейда в 1910 г., когда он был его пациентом. Впрочем, и в дальнейшем он не раз обращался к нетрадиционным методам лечения, пред-

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ «Идеи и идеалы России в истории и современном мире», грант № 06-03-02092а.

почитая воздействовать на тело с помощью бессознательного (например, используя известный в Европе 20 — 30-х гг. XX в. метод Э. Куэ). Блестящий ум И. Ильина, его работы в области изучения немецкой философии, мастерское овладение всеми тонкостями философии Гегеля является обратной стороной особенностей его психического склада. Воспринимая любое жизненное явление необычайно остро и болезненно, видя в нем, в первую очередь негативную сторону, он был способен также остро и тонко почувствовать малейшие нюансы и в сложнейшей философской системе.

По воспоминаниям знавших его до революции людей, он отличался весьма неуживчивым характером, склонен был к самым неожиданным и радикальным решениям. Сам же Ильин о своих особенностях не раз говорил близким друзьям, пытаясь их объяснить, поскольку, по его собственному признанию, эти особенности могли понять всего несколько человек. Так, например, объясняя свое резкое письмо к П.Б. Струве, он пишет ему в последующем письме о «творческих котлах духа»: «Я не умею писать, не приведя их в состояние известного кипения при *открытой* крышке. Затяжка в печатании <....> вызывает эффект *захлопнувшейся* крышки при воде, раскипевшейся в открытую. <....> Я не всегда волен написать заказное. Обрывать же на 200-й и 300-й строке мне *всегда* трудно: телеграфный столб только разгудится — и ток больше не нужен. А если у меня появляется сомнение в том, что я, может быть, «кипел» и «обрывал» зря — и что «оборванные» «нити» должны засохнуть <...> — тогда я начинаю *задыхаться*, мне легче совсем замолчать — моя личность начинает давать трещину, и в трещину течет «лава» «протеста» и «отставки» <...>. Вся эта «термодинамика» и «вулканистика» мною переживается остро и тягостно»².

Речь идет о том, что любая психическая, умственная или душевная реакция у Ильина протекала в направлении полного и решительного раскрытия ее до конца. Данная особенность была основой творчества Ильина, иначе он творить не мог, не умел и не хотел, поскольку был убежден, что только таким образом человек должен философствовать: «В 1921 — 1922 году, убранный в Москве большевиками с юридического факультета, я вел в философском

Институте два курса <...> Я вел оба курса *без записок*, — *вдохновенным созерцанием*. Обычным актом: цельным, с участием сердца, воли, видения и мысли. И вот, студенты мои никак не могли понять, что моего стула нельзя задевать — что я испытываю каждый толчок или прикосновение, как электрический разряд в нервной системе, как резкий толчок по духу <...> я реагировал на это болезненно, а они вероятно думали, что это — раздражительность голодного профессора или же просто «каприз». Наконец, я разъяснил им, что при этом происходит, что это процесс большой и интенсивной концентрации, не терпящий прерывающих толчков и разрядов»³.

Цельный акт философствования в период, когда Ильин еще не был церковным, верующим человеком (до 1919 г.), является неким аналогом мистического проникновения в запредельную ткань мироустройства. По свидетельству самого Ильина, он входил *цельным актом сознания* в состояние интеллектуальной активности, и далее, становился как бы пророком, изрекающим то, что ему открывается. Данный цельно-созерцающий акт характерен для мистических практик многих религий, особенно восточных — буддизма и даосизма, древнего иудаизма (практика пророчеств, «сынов пророческих»). Для приверженцев названных религий, упражняющихся в духовном созерцании, выработка такого цельного акта является большой и сложной задачей, в то время как у Ильина это было, скорее всего, врожденной особенностью. Именно такое «пророческое» состояние зачастую придавало его суждениям аподиктический характер непререкаемых истин, что вызывало недоумение и неприятие со стороны критиков. Сам Ильин сознавал свое пророческое призвание: «я есмь *орган* русского народа, его *пульс*, его *слово*, его *вопл*»⁴. Впрочем, указанная особенность уравнивалась другими — приматом волевых и интеллектуальных, логических сторон, а в сочетании этих двух, казалось бы, противоположных тенденций и состояло своеобразие и неповторимость его личности и творчества. Отталкиваясь от данной выше краткой характеристики, обратимся теперь к духовному, религиозному пути Ильина.

Духовный путь И.А. Ильина

Переворот в мировоззрении И.А. Ильина произошел в период после 1917 г. В чем состояла его суть, и какова была религиозность Ильина до указанного периода? До 1917 г. Ильин был верующим человеком, но его вера не была церковной — при всем видимом сходстве с христианством, она была далека от него. Основываясь на его ранних работах⁵, «веру» Ильина рассматриваемого периода можно суммировать следующим образом. Ильин отвергал репрессивность религиозного учения, а всякая религия, поскольку она провозглашает свое учение истинным, а чужое исповедание ложным, может вступить на данный путь. Репрессивность, инквизиция, борьба с инакомыслием подспудно тлеет в недрах любой религии, но в то же время религия не может провозгласить все исповедания истинными, поскольку при этом она перестанет быть религией. В этом состоит неразрешимое противоречие религии, и, как можно понять по ранним работам, Ильин переживал его болезненно, не находя верного ответа. Главное достоинство и оправдание религии в том, что она призвана соединять личность человека с Божественной сферой, пробуждать начала индивидуализма. Никакие «соборные» (церковные) истины, не пережитые лично человеком, Ильин не признает за таковые, а всю эпоху средневековья, когда водительницей европейского человечества была Церковь, он считает периодом крайнего упадка и извращения самой сути религии. Только с началом эпохи Возрождения, с появлением и укреплением протестантизма, освободившего христианство от порабощения личности, начинается подлинный расцвет религиозности. Высказывая похвалы в адрес протестантизма, Ильин, однако, осознает и его ограниченность, но подозрение в его «недоброкачественности» остается, судя по всему, не до конца сформулированным и волнует его сознание: «Все протестантство есть борьба за новую, правда, но *правую веру*. <...> протестантство не спасло верующую душу от того состояния придавленности отовсюду <...> и, следовательно, от неизбежных *угроз* и *осуждений*»⁶. Судя по всему, обращение к протестантизму в качестве некоего эталона, хотя и далекого от совершенства, связано с тем, что Ильин в тот момент

«искал себя», пытался осознать свою национальную принадлежность. Он любил и хорошо понимал немецкую культуру и философию, однако не меньше любил и ценил свою русскую родину. Немецкое происхождение и, скорее всего, религиозное воспитание, которое он мог получить от матери (отец не был религиозен), могли сыграть тут свою роль. Что касается его личного религиозного мировоззрения, то решающую роль в нем играла идея личности. Так, например, он не признавал божественности Иисуса Христа, что противоречит христианству, поскольку догмат богочеловечества является его краеугольным камнем. Для него признание Богочеловеческой Личности умаляло роль личности человеческой, более того, самостоятельные поиски и личное духовное самоопределение ценилось Ильиным более высоко, чем простое повторение «религиозного опыта Иисуса»⁷.

Главное религиозное открытие Ильина в тот период заключалось в том, что Божественная сфера и человеческая личность не являются противостоящими, несоприкасающимися областями, но эти сферы существенно едины. Путь в сферу Божественного — философия, как ее понимает Ильин, с участием цельного акта человеческого сознания, который соприкасается и даже, как тогда казалось Ильину, совпадает, срастворяется с Божеством, обретая покой и радость. Что есть божественная сфера Ильина, является ли она личным Богом, или неким божественным океаном сознания или вовсе бессознательного, остается до конца не ясным, хотя, учитывая роль личности у Ильина, вполне утвердительно можно предположить, что Бог понимается у него как особого рода личность. Если Ильин принимал и разделял до конца учение Гегеля, то тип его религиозности можно описать как пантеистический, парадоксально сочетающийся с религиозным персонализмом, с нотами ощущения некой трагедии самого Божества, чувством крайнего несовершенства и хаотичности материального мира, необходимости его наличного состояния.

С таким религиозным мировоззрением Ильин вступил в сложнейшую для России эпоху войн и революций. По свидетельству Ильина, его религиозное обращение к христи-

анству и Церкви состоялось в 1919 г., в то время как предшествующий период был скорее этапом подготовки к окончательному изменению его взглядов. Встав в оппозицию к большевикам, Ильин оказался в положении, когда ему могла ежедневно грозить смерть. По его свидетельству, он три года мысленно упражнялся, воображая свой расстрел, чтобы к нему подготовиться. Лишение всех благ, включая самые необходимые, постоянное ощущение близости смерти, чудесные события, когда случайные люди доставляли провизию и дрова, столкновение с разгулом самых темных страстей — вот предпосылки духовного обращения Ильина. Судя по его письмам данного периода, содержащие соответственную фразеологию, он обращается к более внимательному изучению Евангелия⁸ и молитве. Скорее всего, замысел книги «Аксиомы религиозного опыта» (начало работы — 1919 г.) возник на фоне обостренного духовного и психического состояния, которое требовало тщательной проверки и контроля для того, чтобы соответствовать истине. В данный период Ильин пересматривает свое понимание взаимоотношений индивидуума и социума, личности и Церкви, и приходит к необходимости принятия церковного опыта, а потом и самой Церкви. Судя по фразеологии употребляемой в письмах и статьях, Ильин стал прилежным прихожанином Церкви не ранее 1920 г., а после 1925 г. он уже свободно владеет языком церковных богослужений⁹. В 1919 г. его обращение к христианству носило еще нецерковный характер мистических переживаний, о чем он позже писал: «О новом откровении чающе¹⁰ вопию с 1919 года. Думаю, что настала новая эра, когда надо идти от Духа — к Сыну и Отцу, ибо Отца утратили, несмотря на пришествие Сына, а Сына утратили потому, что Духа отвергли»¹¹.

Обращение к пневматической проблематике в истории христианства всегда совпадало с периодами общественного кризиса, когда человеческое сознание, освобожденное (вольно или невольно) от материального благоустройства, особенно способно к духовным переживаниям. Однако пневматический опыт, к которому Ильин пришел, отталкиваясь от своего философского опыта, довольно скоро на-

полняется конкретным содержанием церковного учения, добытого на протяжении тысячелетий подвижниками Духа. Оказавшись в эмиграции, Ильин предпринимает попытку создать квинтэссенцию пережитого опыта, воплощенного в реальную жизненную программу. Так появляется знаменитая книга «О сопротивлении злу силою», которая буквально пестрит цитатами из Евангелия и апостольских Посланий. В. В. Зеньковский, характеризуя данную книгу, писал о том, что в ней дан не чистый опыт христианства, но скорее некое смешение христианского и вполне натурально-эмпирического опыта¹². Наряду с совершенно бесспорными, с церковной точки зрения, положениями, в ней встречается то, что присуще натуральному, не преображенному состоянию. Данное замечание, на наш взгляд, соответствует истине. Книгу «О сопротивлении злу силою» (1925) можно считать неопитским сочинением, несущим все признаки недавно обратившегося: категоричность, духовный подъем, агрессивность, желание сложнейшие вопросы решить в плоскости простых и практических решений. Книгу «О сопротивлении злу» Ильин ценил и считал важнейшим сочинением на протяжении многих десятилетий, что соответствовало его активной позиции по отношению к большевикам. Большевизм Ильин рассматривал религиозно, как сатанизм¹³, или один из обликов, которые принял «воплотившийся» сатана, с которым необходимо бороться вплоть до физического уничтожения его пособников. Идея «духовной» войны с бесовской силой, войны с помощью молитвы, в этот период не привлекала Ильина, что опять-таки соответствует периоду «новообращенности», когда религия понимается более внешне, а внутреннее проникновение и принятие, духовная жизнь, начинаются несколько позже.

Постепенно все-таки совершается и внутреннее обращение Ильина к церковному опыту. И не только на уровне изучения языка богослужения, канонов и правил, не просто естественными движениями души (акт концентрации сознания), но и восприятия самого церковного духа, который заключается в принятии Христа как своего Спасителя и мистической жизни в соответствии с заповедями Еванге-

лия. Результатом существенного проникновения в церковный опыт явилось написание фундаментального труда «Аксиомы религиозного опыта», который можно считать достаточно адекватным выражением христианского вероучения на языке философии. Впрочем, считать Ильина эталоном церковности (равно как и любого другого философа), вряд ли возможно. Об этом говорят не только его «частные богословские мнения» (например, по вопросу об обожении), но и чисто практическая религиозная жизнь. Прежний опыт властно вторгался в религиозную сферу и диктовал свои условия. Укажем на весьма характерный эпизод. Ильин, желая облегчить болезни своего друга И.С. Шмелева, писал ему: «В Париже живет потомка Митр<ополита> Филиппа Колычева. От сего святого она имеет дар руконаложением вытягивать страдания из человека. Знаете ли Вы это? Приемлете ли? Разрешите через друзей направить ее к Вам. Добрейшая — привлекательная»¹. Несколько раз он обращался с этим предложением, пока не получил решительный отказ от Шмелева с разъяснением, что данная особа — шарлатанка. Общеизвестно, что Церковь не одобряет «целительство», но доверие Ильина к мистическим и нетрадиционным практикам, оставшееся от времени до его обращения, было весьма велико.

Краткий, по необходимости, анализ духовного пути Ивана Ильина можно подытожить следующим образом. Ильин, обладавший особым, мистически ориентированным складом сознания, всегда отличался религиозностью, которая до 1919 г. носила характер философских упражнений. В 1919 г. произошло религиозное обращение Ильина, который начинает читать Евангелие, оценивать происходящее в России с христианской точки зрения. Около 1920 г. он приходит сознательно в Церковь, начинает усваивать церковный опыт, знаком чего служит его книга «О сопротивлении злу силою», в которой еще не видны результаты «внутреннего делания». В течение нескольких последующих десятилетий Ильин все более осваивал церковное наследие и приходил к ортодоксальному христианству, но выражал его на языке философии. Таким образом, духовный путь Ильина можно описать как постепенную конкретизацию начального мис-

тического опыта. После 1919 г. Ильин встал на путь постепенного воцерковления, который завершился усвоением христианского мировоззрения, однако прежний опыт все же определял его мышление, что выразилось, в первую очередь, в том, что он пользовался прежним философским понятийным аппаратом. Все это дает право с полным основанием считать Ильина русским религиозным философом, которому удалось сложнейшее из заданий — органичное сочетание религиозных и философских основ познания и создание цельного мировоззрения на этой основе.

Религиозно-философский идеал И. А. Ильина

В русской эмиграции 20-х гг. происходил сложный духовный процесс, который определялся стремлением к обретению новых идеалов и идейных ориентиров. О чем бы ни писали эмигрантские авторы (о политике, культуре, философии и т.д.), их объединяла при частом несовпадении позиций одна черта: в той или иной мере отречение от дореволюционного «интеллигентского» сознания и обоснование религиозно-национальной идеи возрождения будущей России. К такому направлению «смены эпох» примыкал в эмиграции и Иван Ильин. Остановим внимание только на его религиозном мировоззрении, в частности, на его книге «Религиозный смысл философии. Три речи, 1914 — 1923» (1925). Как видно из подзаголовка, на примере данной книги можно говорить о совокупности идей и взглядов Ильина на религию и философию от предреволюционных лет до начального периода эмиграции. Следует сразу отметить, что когда Ильин пишет о философии и религии, он подразумевает, прежде всего, Истину и ее познание. Ильин хочет сделать очевидную, объективную Истину бытия или религиозный Предмет основой человеческой жизни.

Ильин полагал, что священнослужитель, художник и ученый «стоят непосредственно лицом к лицу с *тем высшим, верховным жизненным содержанием, через которое жизнь человеческая вообще имеет значение и ценность*»¹⁵. Лучшие представители народа должны предстоять высшему Предмету, служить ему. Философия у Ильина по сути выступает не только как часть научного знания, но в первую

очередь как творческий идеал, эталон «внутреннего делания». Стоять перед лицом Божиим, заниматься духовным деланием — это еще один, среди прочих, подход к проблеме самопознания и самосовершенствования, еще одна попытка обрести религиозный смысл жизни.

Однако религиозный идеал Ильина сформировался не сразу, а претерпел эволюционное развитие. В речи «Философия как духовное делание», открывающей книгу «Религиозный смысл философии», идея религии с точки зрения ее рационального обоснования еще не имеет больших отличий от религиозно-философских взглядов Гегеля, уже позднее философские схемы Ильина начинают наполняться православным содержанием. Философия как духовное делание для Ильина складывается из трех элементов: опыт, видение (интуиция) и «разумно-логическое раскрытие испытанного и усмотренного содержания»¹⁶. Как считал Ильин, знание и вера тождественны, и духовная достоверность есть результат «верующего знания» и «знающей веры». По его убеждению, философия, которая основана на подлинном духовном опыте, по содержанию есть религия, поэтому «разумное утверждение духовного Предмета (метафизика, вырастающая из подлинного религиозного откровения) есть та вершина духовного горения, которая религиозно питает, освящает и завершает культуру народа как живого единства»¹⁷.

Ильин анализировал историческую ситуацию, в которой оказалось человечество в «эпоху великой духовной смуты», и предлагал свою программу выхода из кризиса. По его мнению, человечество страдает духовной слепотой, оно «перестало испытывать, видеть, любить и творить главные, священные, зиждущие предметы»¹⁸. Чтобы выйти из состояния духовной спячки или слепоты, нужно обрести подлинный духовный опыт, который требует усилий для его правильной организации. Так, философ должен испытать сам то, что он исследует. Только установив связь с подлинной духовной реальностью, он может философствовать для того, чтобы «мыслью освещать и *преображать сущность подлинной жизни*»¹⁹. Философия, как полагал Ильин, в своей основе есть «систематическая духовная практика». Духовный пред-

мет насыщает личность мыслящего субъекта, становится основным содержанием философствования. Для Ильина возникает серьезная проблема — как отличить от субъективного содержания мысли и личных переживаний присутствие духовного Предмета? С точки зрения Ильина решение этой проблемы заключается в идее «духовного позитивизма», т.е. в возвращении к положительным основам знания (к «сосредоточенному испытыванию» и «честному, непредвзятому описанию»). Кроме этого, Ильин формулирует практические задачи философии. Работа философа не является отвлеченным от жизни и сугубо личным делом, а предполагает активное влияние на окружающую реальность. В этом отношении последовательная философская программа Ильина, направленная на решение самых насущных и актуальных проблем, включает 1) философию духовного опыта, 2) философию самого духовного предмета, 3) философию научной очевидности, 4) новую философию правосознания и государственности, 5) новую философию совести и доброты, 6) новую философию эстетического восприятия и художественности, 7) новую философию религиозности и Откровения. Все философское творчество Ильина в эмиграции можно полноценно понять только с точки зрения его всеобъемлющей философской программы. Однако из-за невозможности в рамках одной статьи последовательно раскрыть все пункты вышеназванной программы, остановимся в качестве примера только на философии религии, наиболее полно представленной в книге Ильина «Аксиомы религиозного опыта» (1953).

Не станем подробно разбирать идеи, которые встречаются в других книгах, в том числе в «Религиозном смысле философии». Основой для размышлений Ильина остаются понятие высшего Предмета и представление о религии, данной человеку, прежде всего, в виде религиозного опыта. Однако в книге «Аксиомы религиозного опыта» появляются и новые темы. Ильин формулирует идею религиозного очищения (катарсиса) и понятие «огней жизни». В первом случае речь идет об идее, имеющей древнее происхождение, но Ильин вписывал ее в контекст своего философского мировоззрения. Он видел в религиозном катарсисе условие для

правильного построения духовной жизни. Благодаря религиозному очищению, человек «должен положить начало новому самосознанию: суждению о себе в свете нового измерения»²⁰. Таким образом, Ильин утверждает необходимость для религиозного опыта человека особого духовного измерения, имеющего «интенцию на главное». Ильин нередко употребляет феноменологические термины, но вкладывает в них совершенно другое содержание, не характерное для феноменологии. Если у Гуссерля в процессе феноменологической редукции нужно достичь уровня «чистого сознания», предполагающего чистый рациональный смысл, то у Ильина на уровне духовного измерения раскрывается «духовное око», которое просто по-новому видит земную жизнь, но не теряет ее эмоционального восприятия. Исходя из этого, всякое сопоставление Гуссерля и Ильина²¹ может носить лишь условный характер, поскольку между феноменологией и идеал-реализмом Ильина есть существенные и непреодолимые противоречия.

Понятие «огней жизни» и имеет связь с идеал-реалистическим пониманием бытия (общая идея идеал-реализма — реальное бытие возникает на основе идеального бытия). В процессе религиозного очищения человек, по Ильину, приходит к живому ощущению тайны, и тогда все события в жизни (совокупность житейских «условий», «обстоятельств» и «случаев») становятся «знаками» для созерцания высшего, духовного мира и импульсами для собственного самосовершенствования, постоянного углубления религиозного опыта. Следовать по «огням жизни» — это, значит, научиться созерцать сокровенный духовный смысл жизни.

Совершенствованию духовного опыта служат и дары Церкви, которые есть «дары самого Христа». Вместе с тем эти дары образуют важное дополнение к личному опыту, поскольку созданы многовековой традицией и проверены опытом величайших святых. Ильин подчеркивает: «Все эти дары не извлекаются человеком из его личного опыта; все это — создания той великой, вековой человеческой «совместности», которая бережет полученное ею Откровение и именуется религиозной «общиной» или Церковью»²². Назначение Церкви заключается в благом научении и переда-

че Откровения. Из религиозных традиций Ильину наиболее близок конкретный спиритуализм Православия, который предполагает вещественное начало не противостоящим духу, а воплощающим его. По мнению Ильина, овеществление Божества происходит в Таинстве Евхаристии, и «по этому образу православная мысль созерцает возможность и реальность иных «Духо-воплощений»»²³.

В целом можно сказать, что Иван Ильин пережил религиозно-философскую эволюцию, которая имеет следующие этапы: сначала он создал общую философскую концепцию, содержащую ряд личных интуиций и философем, а затем уже наполнил эти рациональные философемы конкретным религиозным содержанием на основе своего духовного опыта. Разница между началом и концом данной религиозно-философской эволюции вполне укладывается в противопоставление Ильиным отвлеченного и созерцающего мышления. Как полагал Ильин, «отвлеченное мышление мыслит безобразные понятия, тождественные, внутренне-не-противоречивые, которым присуще неизменное содержание и классифицируемый объем», «созерцающее же мышление созерцает — или смыслы, жизненно-ориентированные на конкретных образах (чувственных, почерпнутых из внешнего мира, и нечувственных, почерпнутых из мира душевного), или же смыслы, созерцательно сросшиеся с одноименным образным составом»²⁴. Созерцающее мышление можно считать главным религиозно-философским идеалом И. А. Ильина, прошедшего путь от рационального понимания религиозного опыта к православному конкретному спиритуализму.

Примечания

¹Среди исследований можно выделить: *Евлампиев И.И.* Божественное и человеческое в философии Ивана Ильина. СПб., 1998; *Лисица Ю.Т.* И.А. Ильин. Историко-биографический очерк // *Ильин И.А.* Собр. соч. в 10 т. М., 1993. Т. 1; *Полторацкий Н.П.* Иван Александрович Ильин. Нью-Йорк, 1989 (И.И. Евлампиев утверждает, что обращение Ильина к Православию обеднило и лишило оригинальности его труды; он противопоставляет первый (философский) и второй (религиозный) периоды в творчестве Ильина. Ю.Т. Лисица склонен понимать путь Ильина скорее как органичный, так как оба периода необходимы, оправда-

ны и ценны. Н.П. Полторацкий не рассматривает первый философский период Ильина, занимаясь только вторым, подчеркивая высокие достоинства его трудов на религиозные и патристические темы).

² Ильин И.А. Pro et contra. СПб., 2004. С. 232.

³ Ильин И.А. Собр. соч. Переписка двух Иванов (1947 – 1950) . М., 2000. С. 347 – 348.

⁴ Там же. С. 255.

⁵ Речь идет о его сочинениях «Шлейермахер и его «Речи о религии»» (1912), «Кризис идеи субъекта в наукоучении Фихте старшего» (1912), «Философия Фихте как религия совести» (1914).

⁶ Ильин И.А. Шлейермахер и его «Речи о религии» // *Евлампиев И. И.* Божественное и человеческое в философии Ивана Ильина. С. 352.

⁷ Ильин И.А. Философия Фихте как религия совести // *Евлампиев И. И.* Божественное и человеческое в философии Ивана Ильина. С. 497.

⁸ См. например, письмо П.Б. Струве от 1922 г. в котором встречается выражение «завершительное «изведение» из темницы» (*Ильин И.А. Pro et contra.* С. 223). Ильин намекает на эпизод, описанный в Деяниях Апостолов, когда апостола Петра из темницы извел ангел (Деян. 12, 1 – 17).

⁹ На наш взгляд, наиболее характерный случай употребления церковной фразеологии мы находим в статье Ильина «Самобытность или оригинальничанье?» (Русская мысль. 1927. Кн. I), в которой есть слова: «Безразлично, каков будет этот рецепт – протяженно-сложенный или коротенький» (*Ильин И.А. Pro et contra.* С. 472). Словосочетание «протяженно-сложенный» – из Ирмоса 9-й песни 2-го Канона на праздник Рождества Христова.

¹⁰ Чающе — слово церковнославянское, означает «ожидая».

¹¹ Ильин И.А. Собр. соч. Переписка двух Иванов (1935 – 1946). М., 2000. С. 353.

¹² Зеньковский В.В. По поводу книги И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою» // *Современные записки.* 1926. Кн. 29.

¹³ См. его письмо к Б.В. Яковенко от 8 мая 1923 г.: «Сейчас сатана принял образ социально-политический по преимуществу» (*Ильин И.А. Pro et contra.* С. 345).

¹⁴ Ильин И.А. Собр. соч. Переписка двух Иванов (1935 – 1946). С. 474.

¹⁵ Ильин И.А. Религиозный смысл философии. Париж, б. г. С. 13.

¹⁶ Там же. С. 21.

¹⁷ Там же. С. 33.

¹⁸ Там же. С. 75.

¹⁹ Там же. С. 42.

²⁰ Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. М., 2003. Т. 2. С. 14.

²¹ Например, см.: *Евлампиев И.И.* От религиозного экзистенциализма к философии православия: достижения и неудачи Ивана Ильина // *Ильин И.А. Pro et contra.* С. 24.

²² Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. С. 54.

²³ Там же. С. 69.

²⁴ Там же. С. 85.